

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Б. РИФТИН

КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Китайский народ, имеющий многовековую культурную традицию, славится своей мудростью. Мудрость эта — обобщение богатого жизненного опыта народа — с предельной ясностью и лаконичностью сформулирована в пословицах и поговорках, которые известны далеко за пределами Китая.

Собирание пословиц и составление специальных сборников в Китае началось еще в средние века. Первое упоминание о такого рода сборниках относится к периоду Сун, т. е. к X—XIII вв. Это собрание пословиц, по-видимому, одно из древнейших в мире, называлось «Древние и современные пословицы» и было составлено Чжэу Шоу-чжунюм; впоследствии оно было утеряно, но сведения о нем сохранились в известном «Генеральном каталоге книг по четырем разделам»¹. С XV в. число сборников пословиц и поговорок непрерывно увеличивается. Составители включают в сборники как пословицы, бытовавшие в их времена, так и те афористические произведения, которые остались к данной эпохе лишь в письменной фиксации в древних памятниках.

Из числа сборников второго рода следует особо выделить собрание «Древние песни и пословицы»² цинского автора Ду Вэнь-ляня, выбравшего афористические произведения из всех известных исторических, философских, поэтических, медицинских, агрономических и других сочинений. Вне его внимания осталась, однако, художественная проза, написанная на языке, близком к разговорному и презиравшаяся конфуцианскими авторами.

В Цинский период создаются и сборники пословиц отдельных местностей Китая; например «Сборник пословиц местности Юэ» (современная провинция Чжэцзян). Но только в 1927 г. Ши Сян-цзай составляет первое большое собрание — «Море китайских пословиц» (более 12 тыс. номеров). Этот сборник остается самым большим и по сей день. Недостаточная научность изданий, отсутствие в нашем распоряжении сборников с точными данными о бытовании пословиц не дают пока возможности построить статью по этнографическим областям и этнографическим группам. Однако к десятилетию КНР студентами Ланьчжоуского университета, по поручению Китайского общества изучения фоль-

¹ «Сыку цюаньшу цзунму», цзюань 144, раздел «Сяшоцзяцзыбу», стр. 30.

² Ду Вэнь-лянь, Гу яо янь, Пекин, 1958.

клора, составлено новое грандиозное собрание (около 40 тыс. номеров), которое в настоящее время печатается Шанхайским издательством литературы и искусства.

Европейские синологи из всех жанров китайского фольклора преимущественное внимание, наряду с мифами, уделяли как раз пословицам. Однако работы их представляют собой либо просто сборники с переводом и далеко не всегда верными толкованиями (Пэрни³, Скарбороу⁴ и др.), либо же просто абстрактные рассуждения, расцвеченные пословицами. Такова, например, книга А. Смиса⁵, о которой очень метко отозвался в свое время акад. В. М. Алексеев: «Самостоятельных, серьезных записей не было: в этой области, как и в прочих, европейцы шли на поводу у китайцев — своих учителей, так что даже лучшие работы по фольклору чаще всего — убогое переложение китайских устных показаний (весьма дилетантских) или же китайских книг (например, в английской книге известного писателя о Китае миссионера Артура Смиса „Китайские пословицы и обыденные выражения“)»⁶.

Несколько особняком в этом плане стоит книга П. Плоппера, которая может быть названа исследованием⁷. Но, так же как и Смису, Плопперу остались неизвестны крупнейшие собрания китайских пословиц и работы китайских фольклористов тех лет, когда писался его труд, построенный в значительной степени на материале книжных религиозных изречений, а не на живой пословичной традиции. Несмотря на определенную ценность этих работ, мы не можем пройти мимо факта тенденциозного отношения к китайскому народу, который, по словам Плоппера, «особо консервативен» и «особо религиозен». В наши дни бурного развития нового Китая видна вся беспочвенность подобных суждений.

К сожалению, исследования китайских авторов, посвященные пословицам, крайне немногочисленны — это лишь несколько статей весьма общего характера. Тема эта еще ждет своих исследователей⁸.

Как известно, афористическое творчество народа создается веками и даже тысячелетиями. Одни пословицы и поговорки отмирают, другие нарождаются вместе с новыми событиями и формами жизни. Их создавала в эпоху феодализма главным образом крестьянская масса, и именно мировоззрение этого класса отражается в них наиболее полно.

Влияние идей правящих классов, религиозные идеи, столь характерные для средневековья вообще, приводят к тому, что образуется определенная противоречивость в крестьянском мировоззрении. Следует помнить, что крестьянство — мелкобуржуазный класс, в котором все время происходит расслоение крестьянских хозяйств. Эта мелкобуржуазная природа крестьянства не могла не сказаться отрицательно и на многих моментах мировоззрения.

Исследуя поговорки и пословицы, необходимо учитывать возможность двоякого использования пословиц: не только в непосредственно прямом и переносном смысле, но и сохранение многих несоответствующих идеям новой эпохи пословиц, употребляющихся для того, чтобы заклеить уже отжившую, реакционную идеологию. Необходимо учитывать

³ M. Pery, *Proverbes chinois*, Paris, 1869.

⁴ G. Scarborough, *Collection of Chinese Proverbs*, Shanghai, 1875.

⁵ A. Smith, *Proverbs and Common Sayings from the Chinese*, Shanghai, 1902.

⁶ В. М. Алексеев, Китайский фольклор и китайская народная картинка, «Вестник АН СССР», 1935, № 4, стр. 66.

⁷ P. Plopper, *Chinese Religions seen through the Proverb*, Shanghai, 1922.

⁸ Наиболее интересны статьи Тань Да-сяня «Опыт разговора об идейности и художественности китайских пословиц» в его книге «Мишеньянь вэньсюэ саньлунь» (Статьи о фольклоре), Гуанчжоу, 1959 и Ван Сяня «О древних пословицах нашей родины» в ж. «Вэнь ши чжэ», 1958, № 11, стр. 47—51.

и то, что китайская так называемая «ортодоксальная» литература часто создавала и свои пословицы, построенные по трафарету народных, но несшие чуждые народным массам идеи. Наличие разных элементов в народном мировоззрении и стремление создать пословицы буквально на все случаи жизни также способствовали усилению противоречивости этого жанра афористического творчества. «Противоречивость текстов — „спор пословиц“ — порождалась жизнью»⁹, — писал В. И. Чичеров. Этот «спор пословиц» и наличие определенных реакционных идей в сознании феодального крестьянства, к сожалению, мало учитываются как современными советскими исследователями¹⁰, так и китайскими фольклористами. Обычно считается, что пословицы реакционного содержания создавались лишь представителями господствующих классов, тогда как нельзя не учитывать, что, наряду с этим, крестьянство в силу противоречивости своего мировоззрения создавало реакционные по содержанию произведения. Ведь недаром же Лу Синь в «Подлинной истории А — Q» отдал всю силу сатирического таланта обличению рабской покорности, веками воспитывавшейся в китайском крестьянстве господствующей феодальной моралью.

Показ противоречивости народного мировоззрения и того здорового, что оно несет в себе и что может быть развито и подхвачено в новую социальную, революционную эпоху, раскрытие этого «спора пословиц» и есть, по нашему мнению, задача исследователя народного афористического творчества.

Как известно, в фольклоре какая-либо общая идея отражается, как правило, не в одном жанре, а проходит через все синхронно существующие жанры; это особенно необходимо учитывать при рассмотрении вопроса об отношении народных масс к тем или иным классам, группам общества или профессиям и т. п.

Китайские пословицы дают богатый материал для изучения различных сторон мировоззрения крестьянства. «Признано и установлено, что искусство слова родилось в глубокой древности из процессов труда людей. Причиной возникновения этого искусства служило стремление людей к организации трудового опыта в словесных формах, которые наиболее легко и прочно закреплялись в памяти, — в формах двустиший, „пословиц“, „поговорок“, „трудовых лозунгов древности“»¹¹, — писал А. М. Горький. Это высказывание полностью относится и к китайскому народу, который создал столь большое количество пословиц о труде, главным образом крестьянском, что китайские авторы давно уже выделяют специальный тип сельскохозяйственных пословиц (нунъянь), который представляет собой целую аграрную энциклопедию. Этим пословицам-приметам в КНР уделяется особое внимание в плане обобщения богатого народного опыта. Так, газета «Гуанмин жибао» (от 26 мая 1959 г.) сообщала, что кафедра погоды метеорологического факультета Нанкинского университета в феврале 1959 г. направила в народные коммуны группу из пяти человек для сбора сельскохозяйственных пословиц. С большой статьей о такого рода пословицах выступала в 1958 г. и газета «Жэньминь жибао».

Однако в данном случае нас интересуют не столько чисто сельскохозяйственные пословицы, сколько пословицы, выражающие народное отношение к труду. В Китае с древнейших времен развивалось именно сельское хозяйство; земля и труд на ней играли решающую роль в жизни трудящихся масс.

⁹ В. И. Чичеров, Русское народное творчество, М., 1959, стр. 316.

¹⁰ В качестве примера можно сослаться на издания последних лет: В. П. Анникин, Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор, М., 1957; М. П. Хамаганов, Очерки бурятской афористической поэзии, Улан-Удэ, 1959.

¹¹ М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 787.

Большинство пословиц говорит о необходимости упорного, настойчивого труда на земле: «Когда человек усерден, то и земля не ленится» (Кэ¹², 99). В пословицах особо ярко выражено чисто крестьянское отношение к труду — только труд на пашне дает ощутимые плоды: «Тысячу наторгуй, десять тысяч наторгуй, не стоит это перевернутого на пашне кома земли» (Р); «Деньги в ямыне (ямынь — присутствие, уездная управа.— Б. Р.) — струйка дыма; деньги, вложенные в землю, живут сотни тысяч лет (Мс, № 3, 20—21); «Из трехсот шестидесяти профессий засевай поле — самая первая» (Тань, 31); «Из ученых, крестьян, ремесленников и торговцев крестьяне — государи, ведь жизнь всех в земле спрятана» (там же); «Кун-цзы (Конфуций), Мэн-цзы — все они не сравнятся с нами, которые зерно на плечах носят» (там же). Но несмотря на явное преобладание таких пословиц, все-таки есть пословицы, «развивающие спор»: «Тысяча полей, десять тысяч кусков земли не стоят одного мастерства» (Цл, 49); возможно, что это уже не крестьянская пословица, а произведение ремесленников.

Существование в феодальном обществе вражды между городом и деревней нашло свое отражение и в пословицах. С одной стороны, крестьяне говорили: «Деревня на первом месте, а город — на седьмом» (Тань, 31), а с другой, — в городах бытовали серии пословиц различных видов, высмеивающие крестьянина — «деревенщину», приехавшего в город и не понимающего ничего вокруг. Такова, например, пекинская пословица: «Деревенщина увидел арку Дунсыпай — какая большая вешалка для одежды» (Р).

О трудолюбии китайского народа говорят многие пословицы: «И железный лом сточится в иголку для вышивания цветов, нужно только трудиться хорошо» (Цл, 1479); «Если ударить по камню, то будет огонь; если не бить, то не будет даже и дыма» (Яньхай, № 5996).

С темой труда связано в народном сознании понятие коллективизма, силы единения: «Когда все собирают хворост, то и пламя высокое»; «Если люди объединятся в одном стремлении, то и лёсс (желтая земля) превратится в золото; если же человек одинок, то от бедности у него лопаются кости и жилы» (Нунъянь, 3). Необходимость коллективных усилий подчеркивается методом от противного, т. е. показом трудности или невозможности существования чего-либо в единственном числе. Этот цикл пословиц использует в основном образы, взятые из неживой природы или из мира животных: «Одно дерево — не лес» (Яньхай, № 8123); «Одной ладонью не сделаешь хлопка; хоть будет больно, да не будет звука» (Цл, 5).

Осознание китайским народом силы коллектива особенно ярко проявилось в таких известных пословицах, как: «Если народ вздохнет, то буря будет; если топнет ногой — землетрясение» (Р); «Государь подобен лодке, а народ воде: может нести на поверхности, может и утопить» (Яньхай, № 3255); «Если крестьянин не будет трудиться, то и император умрет с голоду» (Тань, 31). Последние пословицы связаны с сильными антилегитимистскими настроениями народных масс, проявлявшимися на

¹² Здесь и далее источник, откуда взята пословица, приводится сокращенно: Кэ — Кэ Ху ай - ц и и, Чэньюй шуцэ (Сборник поговорок), Шанхай, 1949; Мс — журн. «Миньсу» (Фольклор); Мю — журн. «Миньцзянь южкань» (Ежемесячник фольклора); Тань — Тань Да - сянь, Указ. раб.; Цл — «Цылинь» (Лес слов), Шанхай, 1936; Яньхай — Ши Сян - цзай, «Чжунхуа яньхай» (Море китайских пословиц), Шанхай, 1924; Нунъянь — «Нунъянь» (Крестьянские пословицы), Шанхай, 1938; Миньянь — «Миньянь» (Народные пословицы), Шанхай, б/г.; См — А. Smith, Указ. раб.; Sc — G. S a g b o g u g h, Указ. раб.; Яньцэ — «Яньцэ» (Сборник пословиц), рукопись 1850-х годов, обнаруженная автором в библиотеке Восточного факультета Ленинградского университета; Рl — Р. P l o r r e g, Указ. раб.; Ду — Ду Вэнь - л а н ь, Гу яо янь, Пекин, 1958. Пословицы, записанные автором настоящей статьи в 1951—1960 гг., обозначаются буквой «Р». Цифры в скобках указывают страницу издания; если же пословицы располагаются в источнике под порядковыми номерами, то дается только номер.

протяжении многовековой истории Китая. Характерно, что даже сказочный эпос, в котором у других народов ярко проявляются царистские иллюзии народных масс, у китайцев лишен этих иллюзий и образы императоров в фольклоре преимущественно отрицательные, например: «Быть поблизости от императора — все равно, что спать вместе с тигром»; «Император — разбойник, разбойник — император» (Тань, 42).

Народ всегда понимал, что все люди равны между собой; некоторые пословицы показывают это: «И сидящий в паланкине — человек и несущий паланкин — человек» (Яньхай, № 3649).

А. М. Горький неоднократно говорил, что человеческому коллективу свойственно ощущение своего бессмертия. В китайском фольклоре это выражается в понимании преемственности между поколениями, необходимости труда ради потомков: «Предки посадили бамбук, потомкам — тень» (Яньхай, № 2618).

Наибольший интерес для исследователя народного мировоззрения представляет, конечно, отражение в пословицах общественных отношений, характеристика различных классов и прослоек.

Основными классами феодального общества были крестьяне и помещики. «Крестьяне, скованные феодальными путами, не обладали личной свободой. Помещик мог по своей прихоти оскорблять, бить и даже казнить крестьян. Крестьяне были лишены всяких политических прав. Крайнее обнищание и отсталость крестьян, порожденные жестокой помещичьей эксплуатацией и угнетением, послужили основными причинами того, что на протяжении нескольких тысячелетий китайское общество в экономическом и социальном отношениях топталось на месте»¹³, — писал Мао Цзэ-дун в работе «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая». Основное противоречие феодальной эпохи — противоречие между крестьянами и помещиками — ярко выражено и в пословицах, противопоставляющих богатство и бедность, богачей и бедняков: «Пока старый вол не умрет, поклада все не будет считаться полной» (Яньхай, № 9377), т. е. пока бедняк жив, на него будут накладываться все большие и большие налоги и повинности. Другие пословицы используют прием противопоставления: «Богатый думает о будущих годах, а бедный — о сегодняшнем дне» (Яньхай, № 4698); «Вино на один пир богатому — полгода еды бедному» (там же, № 4699).

«Спор пословиц» особенно ярко выступает именно в этой тематике. Существует много пословиц, которые, наоборот, порочат бедняка, издеваются над ним. Очевидно, что все они возникли не в среде трудового крестьянства, а созданы господствующими классами. «У бедного человека родится мысль о грабеже» (Цл, 1235). «Беден так уж беден, подберет золото, а оно превратится в медь» (там же); эта пословица с явным оттенком фатализма отражает, видимо, и идеи неоконфуцианства с его учением об «исправлении имен», требовавшим, чтобы человек вечно занимал в обществе место согласно своему происхождению. Или: «Бедный сел в паланкин — нехорошее предзнаменование» (Р).

В старом Китае было чрезвычайно развито гадание, особенно в крестьянской среде. Существовали специальные гадательные книги, гадание часто бывало второй профессией народных сказителей — шошуды. Эта вера в гадания весьма четко подмечена в народных пословицах: «Бедный не отходит от гадальни, а богатый — от аптеки» (Цл, 1235); «Бедный гадает о судьбе, богатый зажигает ароматные свечи; так ли — иначе, все спрашивают о силах инь и ян» (там же). Учение об инь и ян — женском и мужском началах — было взято из гаданий и положено в основу китайской натурфилософии, но продолжало применяться и для целей гадания.

¹³ Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. III, М., 1953, стр. 140.

О запуганности бедняков говорит серия пословиц: «Торговец засахаренными фруктами крикнул разок — испугал бедняка» (См, 19), в другом варианте «крикнул дикий гусь» (Кэ, 111). О безвыходном положении бедняка в старом обществе сложена пословица «Ночью мечтает о тысяче дорог, утром встанет и по-прежнему отжимает соевый творог» (Цл, 468); но ей противостоит другая пословица: «Человек беден — воля неистощима» (Кэ, 99).

Одним из наиболее сложных вопросов при изучении пословиц является отношение к «благородному» (цзюньцзы) и к «маленькому» человеку (сяожэнь). Видимо, из-за своей сложности этот вопрос и не получил освещения в работах Тань Да-сяня и других авторов.

Оба эти понятия идут еще от древнекитайской философии Конфуция и его последователей. Применительно к ней китайские толковые словари определяют цзюньцзы как человека, наделенного талантом и добродетелью. Это определение базируется на цитате из «Книги обрядов» (Лицзи), где говорится: «Широко известный сильными знаниями и устойчивый, неутомимый в добродетельных поступках именуется цзюньцзы (благородным мужем)»¹⁴. По другим толкованиям, «цзюньцзы» — чиновник, так как по конфуцианским понятиям именно такой человек должен был управлять народом. Противоположное понятие «сяожэнь» китайские толковые словари определяют буквально — «маленький человек», не похожий на своих (имеется в виду достойных) родителей и родственников (а учение Конфуция о сыновней почтительности требовало, чтобы дети походили на своих родителей высокими моральными качествами), человека непутевого, негодного. Именно так характеризуется сяожэнь в классических книгах конфуцианского канона, где говорится, что «ничтожный человек не знает ни стыда, ни гуманности» (Ицзин), «не знает указаний неба и не боится» (Лунь юй), «живет в праздности и не совершает добродетельных поступков» (Лицзи) или «у ничтожного человека есть храбрость, да нет чувства долга, и он становится разбойником» (Лунь юй)¹⁵.

В народном представлении, отраженном в пословицах, эти понятия обычно не связываются с конфуцианской доктриной. Они понимаются «по-житейски»; так, понятие «цзюньцзы» часто означает просто «хороший человек», тогда как «сяожэнь» понимается как мелкий, подлый человек. Пословицы обычно противопоставляют их: «Благородный действует ртом (т. е. словами), а подлый — руками» (Кэ, 109); или «Кто в снег (т. е. зимой. — Б. Р.) присылает уголь — настоящий благородный муж; кто на готовой парче добавляет узоры (т. е. делает никому не нужную работу. — Б. Р.) — ничтожный человек» (Р).

Пословицы о «благородных» — цзюньцзы и «низких» — сяожэнь очень нравоучительны. Как правило, они говорят, что цзюньцзы — это уже воплощенная добродетель, его не нужно учить, наоборот, все остальные должны брать с него пример. «Благородный не дерется с быком» (Яньхай, № 3303). Эта пословица соотносится с приведенной выше пословицей о том, что «благородный» должен действовать не физической силой, а уговорами. Здесь, по-видимому, сказалось влияние идеологии господствующих классов, которая учила народ не применять силу и оста-

¹⁴ «Лицзи чжэнь» (Книга обрядов с комментариями), серия «Тринадцать классиков», т. 19, Пекин, 1957, стр. 122.

¹⁵ Некоторые современные исследователи считают, что под «цзюньцзы» Конфуций подразумевал представителей господствующих классов, которые управляют «сяожэнь» — трудовым людом, презираемым «благородными». Он говорил о необходимости ученым постигать высокую мораль, чтобы стать «цзюньцзы», и приводил многочисленные требования, которым должен отвечать «благородный муж», управляющий народом; отсюда и назидательность высказываний Конфуция и постоянное противопоставление «цзюньцзы» и «сяожэнь». См.: Да н Цин-фань, Сянь Цинь сысян ши лунь люэ (Краткая история идеологии доиньской эпохи), Сиань, 1959, стр. 143—147.

ваться послушным, а в споре или в борьбе уходить в сторону, потому что применение грубой физической силы — не дело благородного.

Пословицы очень четко рисуют образ благородного человека. Выше всего для благородного мужа — долг, тогда как для мелкого человека — выгода: «Благородный мерит (все) долгом, ничтожный мерит (все) выгодой» (Яньхай, № 3279). Пословицы рисуют образ цзюньцзы, рассуждающего всегда разумно о сути всех вещей, а не о внешней их стороне, расчетливого, степенного, отзывчивого. Но основное в образе цзюньцзы — это спокойствие, внешнее благородство, любовь к рассуждениям. Этот человек — образец поведения по конфуцианским моральным нормам. Но в представлении народа ему свойственны и отрицательные черты. Так, многие пословицы подчеркивают его мстительность. Если маленький человек мстит своим врагам сразу, то благородный надолго затаивает злобу: «Благородный и в три года не опоздает отомстить» (Яньхай, № 3259) или «Благородный мстит десять лет, ничтожный мстит в тот же день» (Яньхай, № 3293).

В пословицах о цзюньцзы сочетаются оба понимания термина «благородный» — благородный по поступкам и благородный по происхождению, — и провести четкую грань между этими двумя пониманиями данного термина в пословицах трудно. Отметим, что нет ни одной пословицы, которая говорила бы о труде благородного человека, но есть пословицы, показывающие, что благородный гнушается грязной работой: «Благородный не согласится войти в кухню» (Р).

В образе благородного человека — цзюньцзы отразилась двойственность не только двух значений этого термина, но и противоречивость крестьянской идеологии, которая, с одной стороны, все правильно оценивала с точки зрения отношения к труду, а с другой, — постоянно испытывала влияние господствующей конфуцианской идеологии.

В новом Китае эти пословицы все еще распространены в крестьянской среде. Современная же интеллигенция старается избегать их, так как понимает связь их с конфуцианской идеологией. Характерно, что ни в одном другом жанре фольклора, кроме пословиц, мы не находим употребления и противопоставления этих понятий. Это видимо, подтверждает определенную связь данной группы пословиц с книжными изречениями, взятыми главным образом из сочинений конфуцианского канона.

В своей повседневной жизни трудовой народ часто сталкивался с представителями государственной власти: уездными начальниками, которые обычно разбирали все спорные дела и вершили суд, со сборщиками налогов и другими чиновниками. И в сказках, и в пословицах мы видим образы спесивых, надменных чиновников — взяточников, падких на деньги. Пословицы рисуют нам образ чиновника, который, пока он добивается должности, тих и смирен; но стоит ему стать чиновником, как он становится лютым зверем, ничуть не думающим о народе: «Мечтающий стать чиновником подобен крысе; получивший чиновничий пост подобен тигру» (Кэ, 112). Среди пословиц о чиновниках много произведений, с глубокой и горькой иронией говорящих о нечестности чиновников: «У какого чиновника нет корыстолюбия, в какой воде нет рыбы?» (Р).

Жадность чиновников не знает пределов: «Стяжательству чиновника нет предела; рису, что приносится в дар Будде, нет меры» (Яньхай, № 4490); «Чиновник, который видит деньги, подобен мухе, которая видит кровь» (Яньцэ). Это сравнение чиновников, падких на деньги, с насекомыми, сосущими кровь, особенно ярко и точно выражает народное отношение к представителям государственного аппарата и встречается у многих народов.

Раскрывая образ чиновника, народ никогда не говорил о нем в отрыве от всего, что его окружало. Чиновник накрепко связан со своим ямынем, он никогда не ездит по деревням, не интересуется жизнью на-

рода: «Чиновник не расстается с ямынем, лошадь не расстается с седлом» (Яньхай, № 4497). Народу был ненавистен не только чиновник, но и сам ямынь, где разбирались дела, потому что трудящиеся чувствовали, что пока сохраняется феодальная система, отдельные чиновники не делают погоды; недаром пословица говорит: «Чиновник ушел, ямынь остался» (Яньхай, № 4505); «Хоть ямыни в Поднебесной открываются на юг (т. е. ямынь устроен так, как все обычные дома.— *Б. Р.*), коль на твоей стороне правда, да нет денег, не входи» (Р). Чиновники в представлении народа держатся друг за друга: «Чиновник покрывает чиновника, писец покрывает писца» (Яньхай, № 4471); «Чиновник только за чиновников» (Яньхай, № 4481).

Пословицы, рисующие — так же как сказки и народные анекдоты — отрицательный образ китайского чиновника, подчеркивают: «Настоящий человек не сидит в чиновниках, сидящие в чиновниках — все на один лад» (Р). Однако тут же развивается «спор пословиц», так как часть пословиц о «честных чиновниках» отрицает приведенное утверждение, что все чиновники плохи: «Когда чиновник честен, народ сам спокоен» (Яньхай, № 4503). Но эти пословицы указывают на несоответствие таких чиновников своему назначению и на непрочность их положения: «Хорошему человеку нет места в мире, честный чиновник не станет главным» (Р); «Чиновники честны — ямынь тощ» (Яньхай, № 4509) или уже с издевкой: «Честный правитель округа за три года награбит сто тысяч слитков белоснежного серебра» (Тань, 41).

Таким образом, в пословицах образ чиновника совершенно не соответствует конфуцианской трактовке, согласно которой чиновник должен быть честным, преданным своему долгу, гуманно относящимся к народу. Следует отметить, что другие жанры фольклора (сказки, народные анекдоты) рисуют, как правило, сплошь отрицательные образы уездных начальников, особенно подчеркивая их алчность, жестокость, глупость. Это хорошо видно на примере сказок из сборника «Уездный начальник и цирюльник»¹⁶. Единственное исключение из этого правила — образ мудрого судьи Бао-гуна, представляющий уже особый случай в китайском фольклоре, да к тому же противопоставленный обычно глупым и нерадивым уездным начальникам, вершащим неправый суд. И если пословицы лишь констатируют отрицательные черты чиновничества, то в сказках мы находим и активный протест против этого жестокого и продажного мира.

Чиновниками в старом Китае могли быть лишь люди, сдавшие специальные государственные экзамены, которые были учреждены еще во II в. до н. э. Человека, готовящегося к этим экзаменам либо сдавшего первый тур экзаменов в окружном центре, называли «сюцай». Господствующая идеология всячески восхваляла конфуцианских ученых, они считались людьми мудрыми и возвысившимися над толпой неграмотного народа. Народ же явно смеялся над ними.

Классическая система образования в старом Китае требовала многих лет упорного труда для овладения трудной иероглифической письменностью и литературным языком — вэньянь. В пословицах подчеркивается мысль о том, что конфуцианский ученый не может быть выходцем из бедной семьи. «Сюцай не является сыном бедной семьи; монах не является сыном богатой семьи» (Sc, № 501).

Народ всегда четко подмечал главное в жизненных явлениях и в людях. Поэтому народ видел в сюцах, — а они были единственными учеными, попавшими в фольклор, — главным образом их никому практически не нужную ученость, их книжные знания, оторванные от реальной жизни.

Сюцай овладел грамотой и изучил все классические книги, поэтому он, сидя дома, уже знает все, что необходимо для экзаменов. В работе

¹⁶ «Сяньгуань юй титоуцзян», Шанхай, 1955.

«Относительно практики» Мао Цзэ-дун приводит широко известную пословицу: «Сюдай, не выходя за ворота, знает все дела Поднебесной». Комментируя ее, Мао Цзэ-дун указывает, что она «была пустой фразой в эпоху, когда техника была неразвита», и что и тогда и сейчас только практика давала реальные знания¹⁷.

Большинство же пословиц показывает отрицательное отношение народа к подобным «кабинетным» ученым. Они подчеркивают узость знаний и кругозора сюдая: «Чжи, ху, чжэ, е, и, янь, цзай — семь иероглифов (грамматических частиц литературного языка — вэньянь) могут определить хорошего сюдая» (Sm, 489). Сюдай знает только конфуцианские классические книги, поэтому народ говорит: «Сюдай читает буддийскую книгу, старый монах умирает со смеху» (P), так как сюдай не может прочесть ее правильно. Да и знания иероглифики у сюдаев тоже очень относительны, недаром народ в насмешку над ними сложил такую поговорку: «Сюдай, сюдай — мешок с неправильными иероглифами» (Sm, 29). Такой ученый не может даже использовать свое знание иероглифики для практической надобности: «Сюдай не может написать расписку об уплате налога за быка» (Яньхай, № 8899). Сатирически острой, направленной против практической беспомощности сюдаев, является широко распространенная пословица: «Сюдай если поднимет мятеж, то и за три года не добьется успеха» (там же).

Образ сюдая дополняется материалом народных сказок, где он всегда выводится человеком хвастливым, пустым мечтателем, пренебрежительно относящимся к представителям простого народа¹⁸. Характерно, что в литературе старого Китая сюдай обычно был как раз образом положительным (у нас часто сюдай переводят как студент, кандидат и т. п.); достаточно напомнить хотя бы многочисленные новеллы Пу Сун-лина (Ляо Чжэя) и другие произведения новеллистического жанра. Тут ярко сказывается различие народного мировоззрения и официальной конфуцианской идеологии (даже в тех случаях, когда писатели были бесспорно прогрессивны, как тот же Пу Сун-лин).

Следует, видимо, четко отличать отношение трудового народа к учению вообще, к книгам и к конфуцианским ученым, готовящимся стать чиновниками. Трудно согласиться с Тань Да-сянем, который не делает этих различий в своей статье, считая отношение народа к ученым и учености чисто отрицательным. Однако известно, что благоговение перед книгой, перед каждым листом бумаги с начертанными иероглифами было многовековой традицией китайского народа, давшего миру и бумагу, и книгопечатание. Развертывающийся «спор пословиц» и здесь достаточно ярок, например: «Читающий книги — книжная моль» (Тань, 43) и «Десять тысяч дел — все низменны, только чтение книг высоко» (там же). Как справедливо указывает Тань Да-сянь, последняя пословица отражает не народное представление о книге; крестьянство всегда, как мы видели, предпочитало всем занятиям земледелие. Но, с другой стороны, именно китайский народ создал и такие замечательные пословицы, как «Читать хорошо, пахать тоже хорошо, лучше всего научиться толком чему-нибудь одному» (Цл, 1496); «Читать книги надо с душой, тогда каждый иероглиф будет стоить тысячу золотых» (там же); «Лучше жевать древесную кору, чем читать книги, не понимая смысла» (там же); «Прочтешь новую книгу, словно получишь нового друга; прочтешь уже читанную книгу, словно встретишь родного

¹⁷ Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. I, стр. 513.

¹⁸ См., например, сказки «О том, как сюдай Гао оказался последним в списке» (Сб. «Миньцзянь гуши» (Народные сказки) под ред. Чжоу Ли-бо, Харбин, 1949), «Умная тетюшка» (Сб. «Китайские народные сказки», пер. Б. Рифтина, издание 2-е, М., 1959, стр. 155—157).

человека» (там же). Именно об учении народ сложил целый ряд мудрых пословиц: «Учиться все равно, что плыть против течения; чуть перестанешь грести, и тебя относит назад» (Р). Только народ понимал под учением не схоластические знания конфуцианского канона, а реальные практические знания.

Для изучения народных воззрений бесспорный интерес представляет отношение народа к религиозному культу и его служителям. Отношение китайского народа к монахам (как буддийским, так и даосским), насколько мы это можем проследить по материалам устного народного творчества, явно двойственно. С одной стороны, пословицы подчеркивают, что жизнь монахов не такая уж сладкая: «Нет выхода — станешь монахом» (Р1, № 1162). В одной из сказок, опубликованной в свое время в журнале «Миньцзянь юэкань» (Ежемесячник фольклора), жена, отговаривая муха идти в монахи, приводит следующую чрезвычайно распространенную пословицу: «Видят только, как монах ест пирожки, а не видят, как монах постится»¹⁹.

Монах, в представлении народа, стоит значительно выше чиновника. Во многих сказках он выступает как герой, наказывающий чиновников, помещиков или просто богачей. Чаще всего это даос, который в представлении народа обладал чудодейственной силой, мог изгонять злых духов и пр.²⁰ С другой стороны, народ видел в монахах тунеядцев, отнюдь не следующих тем принципам, которые они проповедают; недаром в народе говорят, что «Перед дверьми ада буддийских и даосских монахов много» (Р1, № 1125). Монахи ходили по деревням, выпрашивая подаяние. Деньги для них — это все. Пословицы говорят: «Слепой, учуя деньги, открывает глаза; монах, видя деньги, продает священные книги» (Р); «Старый монах продал кумирню, оставил только богов» (Р1, № 1211); «Лучше сидеть дома без дела, чем ходить в храм без денег» (Яньхай, № 1122).

Острые своей сатиры направлял народ против обета безбрачия монахов. Сама жизнь давала тысячи примеров того, как монахи изменяли этому обету, совращали чужих жен, вступали в связь с монашками. Все это нашло яркое отражение в пословицах: «Мужской монастырь на- против женского монастыря; даже если ничего и не происходит, все-таки что-то есть» (Яньхай, № 3377); «Монах не может заснуть, монашка не может успокоиться» (Яньхай, № 3364); «Из десяти монашек девять гулящие, а десятая — сумасшедшая» (Sm, 355).

В Китае, где на протяжении веков весьма мирно уживались такие различные религиозные системы, как буддизм, даосизм и конфуцианство, народ весьма скептически относился к религии, а также к распространенной в феодальную эпоху геомантии, т. е. к гаданиям о месте захоронения. Об этом свидетельствуют такие афоризмы, как «Лучше хорошая жизнь, чем хорошая могила» (Тань, 43); «Скорее быки и лошади поднимутся в рай, чем, держа пост, станешь Буддой» (там же); или «Не следуй запретам, ничего не бойся, так весь пол устелешь золотом» (там же), т. е. таким образом ты не дашь монахам выманить свои деньги и они останутся у тебя дома. Как справедливо отмечает Тань Да-сянь, таких пословиц немного, но они отражают прогрессивную струю в народном мировоззрении.

Народ, конечно, не всегда целиком справедлив в своих оценках, например в оценке традиционной китайской медицины и китайских врачей. Отношение это было резко отрицательным, несмотря на то, что

¹⁹ «Миньцзянь юэкань», цзюань II, № 6.

²⁰ См. сказки «Шутка с начальником уезда» (Сб. «Айгочжун юй вэньсюэ» (Патриотизм и литература), Пекин, 1953), «Гора Хуантуншаньвань» (Сб. «Миньцзянь вэньсюаньцзи» (Фольклорный альманах), № 6, Шанхай, 1954; русский перевод в сб. «Китайские народные сказки», стр. 207—211).

медицина в Китае была издавна развита весьма значительно и во многом обогнала европейскую. Однако если в научных трактатах медицина излагалась как наука, то на практике лечение часто сочеталось с различными гаданиями, шаманством, заговорами. Нередки были случаи, когда лечением занимался человек, специально к этому не подготовленный. Известно, что этим как бы «по совместительству» занимались даже бродячие сказители — шошуды, причем лечили в основном детей, так как это почему-то считалось более простым делом. Все это и породило в фольклоре серии народных анекдотов²¹ о неудачливых лекарях и множество пословиц о них: «Не научившийся толком врачеванию, тайным ножом убивает людей» (Цл, 1301); «У хвастливого врача нет хорошего лекарства» (Р); «Если горы и реки смогли бы говорить, то геоманту нечего было бы есть; если легкие и печень смогли бы говорить, лицо лекаря потемнело бы, как земля» (Ду, 1040); «Продающий лекарство имеет два глаза, прописывающий его — один, а принимающий — ни одного» (Ду, 522), т. е. действие лекарства по-настоящему знает только аптекарь, а врач знает хуже него. Одновременно с этими пословицами существуют и такие, которые закрепляют в четкой афористической форме различные приемы народной медицины.

Китайские пословицы дают возможность понять отношение народа к деньгам и богатству. Товарно-денежные отношения развивались в Китае с древнейших времен. Уже к VI в. в стране происходит окончательная унификация денежных знаков, а в эпоху Тан (618—906) деньги становятся основным орудием эксплуатации народных масс со стороны господствующих классов²².

Власть денег становилась все могущественнее; это отражено во многих пословицах. Человек без денег в старом обществе — ничто: «Коль есть деньги, называют господином; коль нет денег, считают ничтожеством» (Р); «Еда без соли подобна воде; человек без денег подобен душе умершего» (здесь имеется в виду «гуй» — неуспокоенная душа убитого или самоубийцы, которая бродит по земле, не находя себе места, — человек без денег так же бродит по свету, разыскивая себе пропитание и деньги). Ряд пословиц говорит о всеилии денег, например: «За деньги и черта заставишь крутить жернов» (Кэ, 103). Им противостоят пословицы: «И за деньги трудно купить жизнь» (Кэ, 99); «И за деньги трудно купить чистосердечное желание» (Кэ, 103), т. е. купленное за деньги не сравнится со сделанным от чистого сердца.

В пословицах проявляется чисто крестьянское отношение к деньгам, которые, по их мнению, представляют меньшую ценность по сравнению с зерном: «Лучше копить зерно, чем копить золото» (Кэ, 101); «Деньги, полученные от посевов, живут сотни тысяч лет; деньги от торговли — шестьдесят лет; деньги, добытые в азартной игре, — лодка, погружающаяся в воду; деньги стражников из ямыня — кораблик, склеенный из бумаги» (Мс, № 75).

Трудовой народ крайне отрицательно относился к тем, кто увлекался азартными играми, думая нажить себе состояние: «Игра — причина разбоя» (Яньхай, № 10875); «Игра близка к разбою, насилие близко к убийству» (Яньхай, № 10868) и т. п.

Китайские пословицы показывают резко отрицательное отношение народа к займу, который был одной из форм экономического закабаления крестьянства. Широко известны случаи, когда за одну серебряную монету, взятую в долг у помещика, человек на него работал всю

²¹ В качестве примера можно сослаться на сборник «Сяофу» (Палата смеха), составленный в XVII в. Фэн Мэн-луном. Последнее издание см. в кн.: «Мин Цин сяохуа сычжун» (Четыре сборника анекдотов периодов Мин и Цин), Пекин, 1958.

²² См. Фань Вэнь-лань, Чжунго тунши цзянь бянь (Краткий очерк всеобщей истории Китая), Шанхай, 1952, стр. 346, 406.

жизнь, потом всю жизнь работал его сын, а потом внук, что было связано с нараставшими процентами. Пословицы говорят: «Сожми зубы, да не бери в долг» (Кэ, 100); «Отец берет в долг, а сын отдает» (Р). Интересна пословица, которая сложилась, по-видимому, среди беднейших слоев населения и показывает полную безнадежность бедняка, опутанного долгами: «Долгов много — не горюй, блох много — не чешись» (Кэ, 111).

Пословицы говорят и о двояком отношении к разбою. С одной стороны, трудовому народу всегда было свойственно осуждение разбоя и грабежа: «В детстве ворует иголки; вырастет — украдет жизнь» (Р). С другой стороны, пословицы показывают, что невыносимая жизнь крестьян гнала их из дома в шайки «разбойников» (а так господствующие классы феодального Китая официально именовали и повстанцев): «Голод и холод порождают разбойников, сытость и тепло порождают разврат» (Мю, цзюань II, № 6).

Следует сказать, что в силу исторической ограниченности мировоззрения крестьян они всегда мечтали о богатстве; особенно ярко это стремление проявилось в сказочном эпосе различных народов. Точно так же дело обстоит и в Китае; этим можно объяснить отчасти и популярность пословиц о всеилии денег и бессилии что-либо сделать без них: «Нет воды — нет уток, нет денег — нет выхода» (Р); «Люди уважают богатого, собаки кусают оборванного» (Тань, 44).

Пословицы Китая дают богатейший материал для характеристики семейных отношений в период феодализма; особенно ярко отражено в них отношение народа к женщине и ее доле. Пословицы дают возможность проследить всю жизнь женщины в феодальном Китае. Как известно, патриархальная китайская семья особенно заботилась о продолжении рода, следовательно о мужском потомстве. Рождение девочки не считалось хорошим предзнаменованием. Пословицы подчеркивают, что дочь предназначена для выдачи на сторону. «По коренным китайским обычаям девица в доме своих родителей считается гостьей»²³. Поэтому и говорилось: «Девочка рождается на сторону» (Яньхай, № 4128); «Девочка — это товар, приносящий убыток, можно и не растить ее» (Минь-янь, 22). Девушке с самого раннего детства внушалось, что когда она вырастет, то должна будет выйти замуж: «Девушка должна выйти замуж; дождь должен пойти с неба» (Кэ, 111). Вырастает девушка, и начинается сватовство: «Девушку из одной семьи сто семей желают» (Яньхай, № 19).

Судя по начертанию иероглифа, означающего человека, занимающегося сватовством, этим делом в древнем Китае занимались женщины. Впоследствии сватами нередко были и мужчины. Как указывает А. Кульчицкий, «эту обязанность исполняют теперь мужчины, ловкие, всезнайки, говоруны, находчивые, пройдохи и, что всего замечательнее, без различия возраста, т. е. бывают иногда очень молодые и даже неженатые»²⁴. В отличие от других стран, в феодальном Китае сваты были целиком ответственны перед правительством за законность брака²⁵. Так как сватовство устраивали сваха или сват, то в фольклоре, особенно в старинных песнях, мы находим достаточно проклятий, которые посылают на их головы молодые жены. Недаром многие песни кончаются словами, обращенными к свахе: «Чтоб тебе зоб получить!» Наиболее колоритны образы свах в народной драме, например в сычуаньском варианте драмы о Лянь Шань-бо и Чжу Ин-тай («Под сенью ив»). В известных же нам пословицах образ свахи очерчен весьма бегло. Они говорят, что не все в женитьбе зависит от свахи: «Хоть и выпила сваха тысячу рюмок

²³ А. Кульчицкий, Брак у китайцев, Пекин, 1908, стр. 36.

²⁴ Там же, стр. 27.

²⁵ Там же.

вина, а не согласится одна из сторон, ничего не поделаешь» (Яньхай, № 4360); или «Пришедшая поздно сваха, все равно, что веер после того, как миновала осень» (Кэ, 104).

Выданная замуж дочь, как правило, считалась вычеркнутой из своей родной семьи; недаром известная во многих вариантах пословица говорит: «Выданная дочь все равно что выплеснутая вода» (Яньхай, № 4366).

Если жизнь девушки в родной семье была сносной, то жизнь женщины в семье мужа была невыносимой. Женщина должна была во всем подчиняться мужу и свекрови. Одна из многочисленных пословиц на эту тему с горькой иронией говорила о судьбе замужней женщины: «Вышла за кобеля — следуй за кобелем; вышла за петуха — следуй за петухом» (Яньцэ).

Конфуцианская мораль считала женщину низшим существом, долгом мужчины — презирать ее. Задавленный нуждой крестьянин мог вымещать свою злобу только на домашних, на жене и детях. Великий китайский писатель Лу Синь в статье «О раскрепощении женщины» писал: «Конфуций говорил: „Трудно кормить только женщин и подлых. Приблизись к себе — становятся непослушными, отдалишь — начинают роптать“. Женщин и подлых он ставил на одну доску. Не причислял ли он к ним и свою мать? Впоследствии ученые неоконфуцианцы внешне относились к матери с уважением, и все-таки женщина-мать презиралась в Китае всеми мужчинами, за исключением собственного сына»²⁶.

Муж презирал свою жену, не считал ее за человека. Пословицы говорили: «Взятая жена все равно, что купленная лошадь, хочу — езжу верхом, хочу — бью» (из рассказа Чжао Шу-ли «Песенки Ли Ю-цая»). «Муж не должен слушать речи на краю подушки» (Яньхай, № 562). Однако мужчина всегда с уважением относился к чужим женам — к жене своего друга и соседа: «Жену друга нельзя обманывать» (Яньхай, № 6805). Но к своей жене он относился с полным безразличием. Если жена умирала, то муж брал себе другую, и все это считалось естественно и просто: «Женщина все равно, что вода, в которой мою ноги, — вылил таз, налил еще один» (Миньянь, 22). Муж всегда мог бросить свою жену, женщине же полагалось доживать жизнь в одиночестве. «Если вдовы вступали второй раз в брак, то это считалось серьезным проступком, и, напротив, вдове, сохранившей верность умершему и тем более покончившей жизнь самоубийством после смерти мужа, воздавались большие почести»²⁷. Еще больших почестей удостоивалась девушка, жених которой умирал до свадьбы, но которая объявляла себя вдовой и всю жизнь хранила ему верность.

Мысль о том, что женщине неприлично выходить второй раз замуж, проходит красной нитью почти через все жанры устного народного творчества. Мы находим ее в песнях, в народной драме, в сказках и легендах, в пословицах. Наиболее распространенной, по-видимому, была следующая пословица: «Хорошая лошадь не несет на себе двух седел, хорошая женщина не выходит за второго мужчину; лошади с двумя седлами трудно идти, женщина выйдет за второго — потеряет лицо» (Р). Эта пословица в тех или иных вариантах имеется во многих собраниях. «Женщина, трижды приносившая жертвы при выходах замуж, не считается человеком» (Тань, 41) — гласит другая пословица. В таких пословицах выразилась ограниченность и отсталость крестьянской идеологии в эпоху феодализма.

Однако двойственность народной идеологии проявляется и здесь; пословицы призывают мужа хорошо относиться к жене: «Хороший муж не бьет жену, хорошая собака не кусает курицу» (Яньхай, № 4220).

²⁶ Лу Синь, Собр. соч., т. II, М., 1955, стр. 140.

²⁷ «Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия», М., 1959, стр. 80.

Близки к этой теме и пословицы, говорящие о том, что есть ряд вещей, которые мужчина сам не может выполнить: «Коль мужчина примется за женскую работу — весь век не добьется толку» (Миньянь, 57).

В доме мужа женщина попадала под власть свекрови, которая тотчас же начинала тиранить ее, так как сын обычно жил с родителями; нередко ей приходилось сносить брань и старшей невестки. Протест против этой тирании звучит во многих народных песнях, пословицы же просто констатируют ее наличие: «Везде в Поднебесной свекрови бьют невесток» (Яньхай, № 4356). Невестке некуда было деться, она не могла уйти от свекрови: «Невестка неразлучима со свекровью, как гири неотделимы от весов» (Яньхай, № 4370). Эти пословицы помогают лучше понять, как много принесло Освобождение китайской женщине.

Только промучившись много лет, женщина выходила из-под власти свекрови и потом сама часто становилась такой же мучительницей своих невесток. Срок, в течение которого женщина находилась под властью свекрови в старом Китае, был достаточно велик; недаром пословица с горькой иронией говорит: «Невестка хочет стать свекровью, пусть потерпит еще лет тридцать» (Р).

Женщина, став матерью, всю душу вкладывала в воспитание ребенка, именно в воспитание высоких моральных качеств: «Не давай красивого лица, дай только хорошее сердце» (Р). Дети — опора родителей в старости — вот смысл многих пословиц: «Коль есть дом, не бойся инея и ветра; коль есть сын, не бойся, что в старости будешь беден» (Миньянь, 44). «Родишь сына — защитишь старость; запасешь зерно — спасешься в голодный год» (Р). Здесь речь идет о мужском потомстве.

Все пословицы как бы подтверждают слова Лу Синя о том, что «в старину было несчастьем родиться женщиной, за каждое движение, за каждый поступок на нее со всех сторон сыпалась брань»²⁸.

Патриархальное мировоззрение сказалось в резко отрицательном отношении народа к разделу семьи. Издавались даже специальные указы, запрещающие раздел дома²⁹. Народ осуждает отсутствие согласия между братьями: «Одежда порвалась, еще можно починить; руки и ноги (так метафорически именуется братья.— Б. Р.) разъединены, трудно добиться связи» (Тань, 36); «Когда братья объединены одним стремлением, то и глина перед воротами превратится в золото» (там же).

Китайский народ, несмотря на столь распространенный культ предков, создал пословицы, выражающие весьма скептическое отношение к жертвоприношениям в честь умерших: «Лучше при жизни кормить родителей курятиной и свиной, чем забить быка и принести в жертву на их могиле» (Р). Идеи конфуцианства о сыновней почтительности, проповедовавшиеся веками, были восприняты народными массами, конечно, в упрощенном виде, просто как необходимость особого почтения к родителям и старости: «Прилежно засеешь поле — будет зерно в доме; будешь почтителен к родителям — будет счастье в семье» (Тань, 35).

Китайские пословицы дают богатый материал для понимания высокого морального облика трудового народа: «Коль правда на твоей стороне — перевернешь и гору Тайшань» (Кэ, 103) (Тайшань — одна из высоких гор провинции Шаньдун; считалась священной); «За один день можно продать три коромысла лжи, и за три дня трудно купить одно коромысло правды» (Яньхай, № 425).

²⁸ Лу Синь, Собр. соч., т. III, стр. 65.

²⁹ См. Е. М. Мелетинский, Герой волшебной сказки, М., 1958, стр. 125.

В пословицах понятие «добродетель» (шань) — просто синоним доброго, добрых дел, совершенно не обязательно связанных с даосизмом и буддийской религией: «Дверь, за которой скрыта добродетель, трудно открыть; дверь, за которой скрыто дурное, трудно закрыть» (Кэ, 111); «Приблизись к добродетели, словно войдешь в комнату с душистыми цветами; приблизись к дурному, словно войдешь на рынок, где торгуют тухлой рыбой» (Яньцэ).

Находят свое отражение в пословицах и конфуцианские понятия верности долгу (и), гуманности (жэнь) и искренности (чэн), которые также воспринимаются народом в их прямом, обычном значении, противостоящем понятию богатства: «Серебро и деньги — все равно, что земля и навоз; гуманность и верность долгу стоят тысячу слитков золота» (Тань, 37).

Огромный интерес для исследования представляют пословицы, выражающие народное понимание явлений природы, народную наивную диалектику. Как известно, пословицы отличаются особой емкостью; часто пословица, казалось бы чисто бытовая, может приобретать обобщенный, абстрактный, философский смысл. Но мы имеем в виду пословицы изначально «философские», выражающие наблюдения за природой и жизнью вообще. Они, наоборот, часто используются в более узком смысле, чем тот, который в них заключен. Через многие пословицы проходит мысль о причинности и взаимосвязи всех явлений: «Всякое дело обязательно имеет причину» (Яньхай, № 2474); «Дерево имеет корень, а вода источник» (Кэ, 105); «Если ветер не подует, деревья не шелохнутся» (Яньхай, № 11945); «Одну ветку тронешь, десять закачаются» (Яньхай, № 10).

Пословицы формулируют мысль о взаимосвязи результатов действия: «Залезешь высоко, разобьешься сильно» (Кэ, 106). В пословицах в наивной форме выражен и один из основных принципов диалектики: замена старого качества новым: «Пока старое не уйдет, новое не придет» (Р) и т. д.

Наивное, но материалистически правильное понимание объективности окружающего мира видно и в пословицах о времени: «Человек во времени все равно что лодка при попутном ветре» (Р), т. е. не может ничего сделать против; «Если время пришло, кто не придет; если время не пришло, кто же придет» (Яньхай, № 6364).

Серия пословиц указывает на зависимость человека от окружающей его среды: «Живешь у горы — ешь то, что дает гора; живешь у реки — ешь то, что дает река» (Мю, II, № 6), «Кто близок к киновари — пурпурный; кто близок к туши — черен» (Sc, № 31).

Эти философские пословицы, как справедливо указывает В. П. Аникин применительно к русскому фольклору, «живут и будут жить сотни лет. Их долговечность кроется в сущности их как необыкновенно емких общих суждений, которые можно отнести к самым различным сторонам жизни: и к социально-историческим и к бытовым явлениям»³⁰.

Итак, мы видим, как многообразны китайские пословицы, охватывающие буквально все жизненные явления. С течением времени, а главное со сменой социально-экономических укладов, часть пословиц отмирает, значительная же часть их продолжает жить; изменяется лишь сфера их использования, многие из них становятся «орудием» борьбы с пережитками прошлого в сознании народа.

В настоящее время в Китайской Народной Республике появляются и новые пословицы. Пословица «В печи закаляется сталь, у печи закаляется человек» (Р) появилась в 1958 г. в период всенародной борьбы за увеличение производства чугуна и стали. Эти пословицы отра-

³⁰ В. И. Аникин, Указ. раб., стр. 33.

жают небывалый подъем трудящихся масс нового Китая, ясно ощущаемое чувство коллективизма: «Знания одного человека имеют предел; знания масс — безграничны» (Р). Пословицы возникают медленнее произведений других жанров, так как они требуют многолетней шлифовки, поэтому понятно, что в Китае сейчас известны десятки тысяч новых народных песен и только несколько десятков пословиц, но они полновальны и опираются на многовековую народную традицию. Это подтверждают и отдельные случаи переосмысления старых афористических произведений в связи с новыми условиями жизни и труда.

В пословицах обобщается жизненный опыт народа, формулируются общие выводы о существующей действительности, потому они представляют богатейший материал для изучения народных воззрений, отношения народа к тем или иным классам и социальным группам в определенной историческую эпоху, что мы и постарались наметить на примере китайских пословиц.

SUMMARY

The present article is based on a study of the main collections of proverbs published in China between the 1920's and 50's. The peasants' opinions of the gentry, the Confucian scholars, clerks and monks, are analysed in detail. The proverbs are shown to be a faithful mirror of the popular views on money, of the Chinese people's ethical conceptions, of family relations and the status of women in old China.

A special section is devoted to philosophical proverbs reflecting as they do a naive kind of popular dialectics.

The article shows the contradictory nature of the mentality of the people — mainly of the peasantry — through an analysis of mutually contradicting proverbs.

Throughout the article the progressive trend in the mentality of the Chinese people in feudal times is stressed; at the same time certain reactionary views are pointed out, as well as the influence of Confucian thought on Chinese folklore and the simplified and popularised interpretation of Confucian and Buddhist terms.

A short survey of the history of collecting Chinese proverbs is appended, and examples are given of proverbs coined after the Liberation.